

Наследный принц жестом остановил его, призывая не спешить:

— Отец-император в последнюю минуту решил сменить престолонаследника, но меня он так и не разжаловал. Второй брат уже отправил срочную депешу генерал-губернатору Хугуана, чтобы тот привел войска на помощь. Запретная армия на передовой подчиняется моей воле. Третий же принц может полагаться лишь на своего дядю Тун Нинчжао. Снаружи ко мне спешат на выручку войска семи генерал-губернаторов, изнутри поддержат силы Запретной армии — у генерал-губернатора Северо-Запада не хватит духу и дальше потакать злу.

* * *

Седьмой принц заключил договор с пятью торговцами. Те обещали доставить его в столицу, потребовав от его семьи две тысячи пятьсот лян серебра за труды. Для седьмого принца такая сумма не казалась огромной: один лишь комплект украшений, пожалованный отцом-императором матушке-наложнице, стоил куда дороже. Торговцы приспели Его Высочеству «на помощь в час нужды», а потому вполне заслуживали награды в две тысячи пятьсот лян.

Легче всего из этой пятерки было договориться с мужиком по прозвищу Козлиная Бородка. На протяжении всего пути он донимал седьмого принца расспросами:

— Молодой господин, вы не проголодались? У меня тут еще осталась солонина. Продам всего по два ляна за цзинь, идет? Сытнее любой рыбы будет!

Седьмой принц уже почти поддался искушению.

Мужчина, который только что едва не ударил седьмого принца, отличался самым скверным нравом. Все звали его Лю Саньху. Ему дико не нравилось, что предводитель и Козлиная Бородка уважительно называют мальчишку «молодым господином». Зачем лебезить перед попавшим в беду барчуком? Сопляк на вид нежный да избалованный, родня в нем наверняка души не чает и с радостью выложит выкуп. Так к чему гнуть перед ним спину? Богачи в обычное время только и делают, что помыкают простым людом. А теперь, когда этот господничек оказался на их территории, с какой стати снова перед ним унижаться?

Лю Саньху грубо буркнул седьмому принцу:

— Эй, пацан, как тебя звать?

Седьмой принц уже привык к его хамству и решил, что среди простого народа, видимо, так и принято общаться — без всяких церемоний. Отец-император говаривал, что даже членам императорской семьи следует уметь разделять радости с народом. Потому седьмой принц подавил раздражение и старательно сдержанным, дружелюбным тоном ответил:

— Седьмой.

— Да кто, мать твою, спрашивает про твой счет в семье! — расхохотался Лю Саньху. — Я имя твоё спрашиваю, понял?

Седьмой принц повернул голову и медленно, тяжело посмотрел на него.

От этого взгляда Лю Саньху пробрал невольный холод. Он как-то сразу притих, смущенно прокашлялся и, придя в себя, тут же испугался, что товарищи заметят, как его струхнул ребенок. От этого он распалился еще пуще и рявкнул с еще большим хамством:

— Чего вытаращился? Имя свое говори, я кому сказал!

— Лу Цянь, — тихо ответил седьмой принц.

— Лу Цянь? Ну и имя! Сразу видно — про деньги! — весело усмехнулся Козлиная Бородка и обнял мальчика за плечо. — Твоя семья в столице, поди, из богачей? Отец твой часом не чиновник?

— Нет.

— Ну и ладно, — рассмеялся Козлиная Бородка. — Будь он чиновником, мы бы и заикнуться о деньгах побоялись, ха-ха!

Эти торговцы пробирались речными и горными тропами. И хотя этот путь был более извилистым, чем казенный тракт, так они гарантированно избегали встречи с преследователями третьей армией под началом людей третьего принца. Седьмой принц прикинул время, необходимое для выхода из пустыни, и решил раз в три дня покупать у Козлиной Бородки солонину и воду. Стоит лишь выбраться из пустыни, как охота и дикие ягоды помогут ему прокормиться.

На следующий день отряд остановился на ночлег в пещере.

Посреди ночи седьмой принц почувствовал, что кто-то рядом поднялся, подполз к нему и пристально всматривается в его лицо. У седьмого принца не было особых подозрений — он не верил, что эти люди причинят ему вред. Однако, не привыкший заговаривать первым, он остался неподвижно лежать, ожидая, пока тот заговорит сам.

Человек же решил, что мальчик крепко спит, и тут же подал шипящий сигнал своим подельникам.

— Сколько у него там бумажек в кармане осталось? — раздался шепот Лю Саньху.

— Да как минимум штук семь-восемь! И не по пятьдесят лян: я своими глазами видел одну банкноту в сотню! — отозвался Козлиная Бородка.

— Так я пойду пошарю да пересчитаю! — предложил Лю Саньху.

— погоди, — остановил его предводитель. — У него с собой от силы несколько сотен лян. Выбрось эти мысли из головы. Мальчишку разозлить нельзя — две тысячи пятьсот лян вознаграждения куда важнее.

— Да и хрен с ним, если разозлится! — поспешно возразил Лю Саньху. — Родители от него, что ль, откажутся? Разозлится — все равно выкуп пришлют!

— Если мы его приведем, это будет благодеянием. А если поссоримся — выйдет дурно, — ответил предводитель. — В столице полным-полно знати. Кто знает, что у него за родители? Обидим сосунка, а он потом донесет на нас в управу — зачем лишние неприятности?

— Дядька Саньху, не горячись, — вмешался Козлиная Бородка. — А что если мы крюк сделаем? Поблуждаем с ним по пустыне еще несколько деньков, выудим у него все оставшиеся банкноты, а уж потом доведем до постоянного двора. Там еду и воду он все равно у нас брать будет, и никто его силком удерживать не станет. Еще и благодарен нам останется!

Двое других мужчин тихо ухмыльнулись:

— Ну и голова у тебя, старик Кэ!

Мрачное личико седьмого принца скрывала ночная тьма.

В эту ночь он вдруг напрочь перестал любить простой народ.

На следующее утро пятеро торговцев со своими повозками собрались, как и планировали, сделать крюк по пустыне.

Седьмой принц достал ассигнации, отсчитал двести пятьдесят лянов и протянул Козлиной Бородке:

— Куплю десять цзиней солонины и три бурдюка воды.

У Козлиной Бородки глаза так и засияли. Он-то думал, что придется еще немного пройти, прежде чем барчук проголодается, а тут с самого утра такая удачная сделка!

Он вне себя от радости снял с повозки узел, отмерил десять цзиней солонины и, передавая мальчику, с наигранным вздохом прибавил:

— Эх, у самого-то мяса всего ничего осталось, продавать не хотелось, да не заморить же тебя голодом, малыш.

Седьмой принц ничего не ответил. Взяв мясо и бурдюки, он сложил руки в приветственном жесте перед пятью торговцами:

— Господа, на этом прощаемся.

Пятеро мужчин ошеломленно замерли, а когда опомнились, барчук уже взвалил на плечо мясо с бурдюками и пошагал на восток.

Вот ведь диво! Этот сосунок еще и в сторонах света разбирается!

— Стой! — взревел Лю Саньху и кинулся вдогонку.

Но стоило ему выкрикнуть это, как мальчик без единой эмоции на лице обернулся и посмотрел на него взглядом, который ясно говорил: «Есть что сказать — говори быстрее, а нет — проваливай».

Предводитель тут же подбежал и удержал Лю Саньху. Улыбаясь, он обратился к мальчику:

— Братишка, отчего это ты вдруг решил идти один? Мы ведь договаривались, что доставим тебя в столицу.

— Ни к чему, — Лу Цянь приподнял солонину и бурдюки. — Меня они доставят.

Лю Саньху уже собрался вспылить, но предводитель снова его остановил. Он с тем же доброжелательным видом продолжил увещевать:

— Это же получается неблагодарно, братишка. В пустыне сухой паек и вода — вещи драгоценные. Мы согласились продать их тебе лишь потому, что ты подписал с нами договор. А теперь ты забрал еду с питьем и сбегаешь — выходит, договор больше не действителен?

— Встретимся у ворот столицы, серебра получите сполна, — безразлично ответил Лу Цянь.

Козлиная Борода подскочил ближе и запричитал:

— Слова к делу не пришьешь! Уйдешь ты вот так, а столица огромная, где мы тебя искать будем? Не пойдет! Отдавай солонину и воду обратно, я ничего не продаю!

С глухим стуком Лу Цянь бросил припасы к своим ногам. Не сводя взгляда с пятерых мужчин, он не спеша расстегнул крепление длинного клинка у пояса.

Лю Саньху тут же зловеще усмехнулся:

— Чего? Ты, щенок, еще и драться собрался? Совсем страх потерял! Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому! Если сегодня не заставлю тебя дедушкой меня звать, я не Лю!

— Уймись! — предводитель все еще пытался не доводить до крайности. Он велел оттащить Лю Саньху и снова мягко заговорил с мальчиком: — Братишка, не кипятись. Мы ведь и вправду от чистого сердца. Скажу прямо: не дай мы тебе вчера глотка воды да кусочка рыбы, ты бы уже давно умер от жажды и голода в этой пустыне! Мы случайно встретились, спасли тебе жизнь, ты остался у нас в глубоком долгу — не врагами же нам теперь становиться?

Лу Цянь ничего не ответил, лишь холодно смотрел на него.

Он от рождения был лишен эмоциональной логики и во всем руководствовался исключительно конечной целью. Однако воспитывавший его маленький компаньон, напротив, отличался чуткой и эмоциональной натурой. Поэтому на протяжении многих лет Лу Цянь сознательно или бессознательно пытался запомнить эмоциональные паттерны других людей. Это позволяло ему вести себя так, чтобы заслужить похвалу маленького компаньона: стоит тому обрадоваться — и он лично покормит его молоком.

Лу Цяню нравилось это ощущение, но это не означало, что он способен искренне понять или прочувствовать чужие эмоции.

В его мире не существовало логики «человеческого долга». Вчера он нашел этих пятерых, и если бы они отказались продать ему рыбу и воду, он бы попросту отобрал их, а не умер от голода и жажды в пустыне.

Слова предводителя для него были лишь нелогичным допущением.

Предводителю всегда казалось, что поведение этого ребенка отличается от поведения обычных людей. Сперва он думал, что мальчик глуповат, но лишь сейчас осознал: купленной солонины и воды ему хватит ровно на то, чтобы выбраться из этой пустыни.

<http://bllate.org/book/18379/1767191>